

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ КУБА

Мое нежелание представлять доказательства того, что произошло в Монтеррее и что вынудило меня уехать оттуда прямо в день моего выступления на саммите, объяснялось тем, что господин Кастаньеда втянул в свою необдуманную авантюру президента Висенте Фокса. Нельзя было обнародовать их без того, чтобы не вовлечь самого главу мексиканского государства.

Нынешний заговор против Кубы в Женеве был состряпан господином Кастаньедой в Вашингтоне. Чешскому правительству уже претила его дорогостоящая и дискредитирующая роль наемника. В прошлом году, после антикубинской резолюции, силой навязанной в Женеве, правительство Соединенных Штатов было в качестве унижительного и заслуженного наказания лишено своего членства в Комиссии по правам человека путем тайного голосования в Экономическом и социальном совете (ЭКОСОС). То было самое позорное поражение, когда-либо испытанное им со времени создания этого органа в 1945 году.

Мексиканский министр иностранных дел Хорхе Кастаньеда предлагает свои услуги, чтобы латиноамериканизировать новые коварные маневры. Циничное, хитрое и лживое предложение должно было быть представлено латиноамериканскими делегациями в Комиссии по правам человека. Этому он посвятил остальную часть 2001 года, и это вызвало ряд инцидентов с Кубой, ставших объектами многочисленных критических выступлений со стороны политических деятелей и членов палаты депутатов и сената Мексики.

Уже 20 апреля 2001 года, на следующий день после голосования по антикубинской резолюции, в ходе которого Мексика воздержалась, министр иностранных дел нашей страны товарищ Фелипе Перес Роке заявил, что министр иностранных дел Мексики Хорхе Кастаньеда постарался сделать все возможное, чтобы Мексика изменила свою позицию и осудила Кубу. На протяжении этого года господин Кастаньеда занимался тем, что плел интриги и устраивал заговоры с этой целью.

В начале этого года по инициативе Мексики предпринимается визит на Кубу высокой делегации во главе с Фоксом, под предлогом улучшения отношений между двумя нашими странами. Приближалась конференция в Монтеррее. Буш, как это уже сделал Рейган в 1981 году накануне встречи глав государств и правительств стран Севера-Юга, которая должна была проходить в Мексике в октябре того года, грозит не приехать, если в ней будет участвовать Куба. Честь и обязанности мексиканского правительства вновь вступили в противоречие с собственными интересами. Поймите хорошенько, мексиканского правительства, я отнюдь не говорю о братском мексиканском народе. Визит Фокса и Кастаньеды на Кубу, куда они прибыли 3 февраля этого года в 10.30 утра, был тщательно продуман. Во всем была двойственность и расчет. Мы прекрасно знали, что одной из целей было просить нас отказаться от нашего участия. Этого они не осмелились. Хватило первого часа встречи, начатой в 11.14 утра. Первых минут было достаточно. Я сразу же напомнил им о приглашении участвовать в этом саммите, направленном нашей стране Организацией Объединенных Наций. Затем глубоко проанализировал все лицемерие и вероломство антикубинских маневров в Женеве.

Беседа с Фоксом и другими членами делегации была в это утро серьезной и продуктивной и касалась различных тем. Кастаньеда нервничал и беспокойно ерзал на месте – не думайте, я ничего против него не имею. По окончании первой встречи легкий обед с Фоксом и его делегацией. Возложение венка к монументу Марти. Запланированная большая поездка, в ходе которой я все время его сопровождал. По пути мы достаточно серьезно и свободно беседовали на разные темы. Мы побывали в Старой Гаване; на электростанции, находящейся к востоку от нашей столицы, которая действует на попутном нефтяном газе, с использованием технологии

комбинированного цикла; по моему предложению, посещение дома историка города Эусебио Леаля, которого Фокс только что наградил, чтобы повидать его мать, выздоравливавшую после болезни.

И наконец, поездка включала визит в Международный центр неврологической реабилитации, где с успехом лечатся многие мексиканцы.

С другой стороны, в тот же день, в четыре часа пополудни, имела место встреча нашего министра иностранных дел и господина Кастаньеды. Последний даже не осмелился поднять в беседе с Фелипе вопрос об антикубинском проекте в Женеве. Он не упоминает о саммите в Монтеррее и обещает, что Мексика не будет ни выдвигать, ни содействовать выдвиганию, ни поддерживать никакого антикубинского проекта в Женеве.

В восемь часов вечера - официальный прием во Дворце Революции; в восемь пятьдесят три - встреча с президентом Фоксом с глазу на глаз в моем кабинете. Когда после ряда рассуждений мы коснулись темы Женевы, он дословно заверил меня, что Мексика никогда не сделает чего-либо, что наносило бы вред Кубе, поскольку то были многолетние отношения, которые они никоим образом не хотели портить. Позже - запланированный ужин, проходивший в дружеской атмосфере. Визит оставляет у нас положительное впечатление. Состоялись многочасовые уважительные и внешне искренние беседы.

Однако приятное впечатление длилось недолго. Кастаньеда вздумал делать загадочные и странные заявления: «Прекратились отношения Мексики с Кубинской революцией и начались отношения с Республикой Куба...», «сегодняшняя позиция Мексики не та, что в прошлом» и так далее. Вскоре после того он отправляется в Майами, чтобы 26 февраля открыть там Мексиканский культурный институт. Туда приглашен любопытный сброд - террористы и контрреволюционеры кубинского происхождения, которые никогда не имели ничего общего с культурой. Там он вновь возвращается к своим теоретическим измышлениям касательно отношений Мексики с Революцией или с Республикой и обращается со слащавыми словами к своим «избранным» слушателям. Он заявляет: «Двери мексиканского посольства в Гаване открыты для всех кубинских граждан, так же, как открыта Мексика». Редакторы подрывной радиостанции, так называемого «Радио Марти», манипулируют его словами и в течение всего следующего дня повторяют, что отношения между Мексикой и Кубой прерваны и что двери посольства этой страны в Гаване открыты для всех.

В тот же день вечером происходит серьезный инцидент, разрешенный ночью 1 марта только благодаря активному и эффективному содействию Кубы, оказанному по просьбе мексиканского правительства, причем нападавшие на посольство не получили ни единой царапины. Распространяется необоснованная и грубая клевета. Даже утверждают, что все это было следствием кубинской провокации. Начался март. Саммит в Монтеррее был уже совсем близко.

Как обычно, я никогда не объявляю о решении участвовать или не участвовать в подобных встречах. Причины очевидны. И когда я решаю это, я сообщаю об этом тому, кому следует, только в последнюю минуту. Некоторые прибывают на эти встречи даже без предварительного извещения, и никогда у них не бывало каких бы то ни было трудностей с хозяевами. В данном случае, приняв решение примерно за три дня, я сообщил о своем приезде за сутки, 19 марта. Причин было две: мое присутствие было нежелательно ни для Буша, ни для самого Фокса. Я также не хотел вести долгие дискуссии с Фоксом и Кастаньедой, которые пытались бы убедить меня или просить меня не приезжать. Когда президент Рейган пригрозил бойкотировать саммит 1981 года, я был вынужден пойти навстречу президенту Хосе Лопесу Портильо. Но он, хоть и испытывал стыд и неудобство, повел себя как джентльмен. Он элегантно пригласил меня в Косумель и со всей искренностью объяснил свое трагичное положение. Я согласился.

На этот раз люди и времена были иными. Международное положение сегодня чрезвычайно

серьезное и сложное. На этой конференции обсуждалась тема, жизненно важная для всех стран бедного и эксплуатируемого мира. Я имел право присутствовать и решил присутствовать. Я хорошо знал, что как только сообщу о своем участии, президент Соединенных Штатов узнает об этом в ту же минуту и неизбежно начнет оказывать давление на Мексику. Я не хотел давать им для этого слишком много времени. Я написал короткое письмо и дал указания нашему послу вручить его в канцелярии президента Мексики в 19.00 часов по кубинскому времени, 18.00 по мексиканскому.

Хотя Монтеррей был переполнен делегатами, наша делегация заблаговременно сняла 20 из 40 номеров небольшого недавно открытого отеля. В связи с неопределенностью в отношении поездки, не были сняты все номера. Кроме того, мы хотели дезинформировать вечных вездесущих террористов, которых подготавливают, балуют и лелеют Соединенные Штаты. В последнюю минуту мне хватало половины этого маленького отеля.

Содержание моего письма, уже опубликованного господином Кастаньедой, чтобы, манипулируя одной фразой, выстроить на ее основе сюжет, которым он попытался объяснить мое быстрое возвращение, было дословно следующим:

«Гавана, 19 марта 2002 года

Уважаемый президент!

Я внимательно перечел Ваше любезное письмо от 28 января текущего года, где Вы приглашаете меня участвовать в Международной конференции Организации Объединенных Наций по финансированию развития, которая будет проходить в Монтеррее. Уже ранее, 21 декабря 2001 года, я получил приглашение от послов Шамшада Ахмада и Рут Джекоби – сопредседателей Подготовительного комитета Организации Объединенных Наций.

Огромная работа, которой я занимался в последние недели, не позволяла мне быть уверенным, что я смогу участвовать в данной конференции, из-за чего мне действительно было очень неудобно перед Мексикой – страной-местом проведения этой важной встречи – и перед Организацией Объединенных Наций, которая была так в ней заинтересована.

В связи с этим я принял решение сделать дополнительное усилие и приехать на эту встречу, хотя бы и на минимально короткое время, о чем с удовлетворением сообщаю в первую очередь Вам.

Надеюсь быть в состоянии в конструктивном духе содействовать успеху этой конференции, для проведения которой Мексика приложила большие усилия.

Желая Вам успехов, уважаемый президент Фокс, я вновь заверяю Вас в моей дружбе и личном уважении.

Фидель Кастро Рус»

Извещая, что мое пребывание будет коротким, я ясно имел в виду, что ограничусь только двумя днями конференции – таковым было действительно мое намерение - и не включу в него какую бы то ни было дополнительную программу в Мексике.

Когда наш посол вручил письмо личному секретарю президента, ему сообщили, что Фокс почти незамедлительно выезжает в Монтеррей. Выполнив это задание, наш представитель направился в канцелярию министра внутренних дел, которому сообщил это известие, чтобы соответствующим образом все скоординировать. Намечалось, что мы приедем в Монтеррей через сутки.

Около одиннадцати ночи по кубинскому времени в моем кабинете раздается звонок из Мексики, сообщают, что президент Фокс хочет как можно скорее переговорить со мной. Поскольку меня в кабинете не было, их просят перезвонить чуть позже. В 23.28 – новый звонок из Мексики. В этот момент я беседовал с несколькими товарищами в маленьком зале недалеко от кабинета. Звонок в такое время показался мне подозрительным. Как странно, ведь президент ложится рано! Явно было что-то срочное. У меня уже не было сомнений. Я встал из-за стола, прошел в свой кабинет и попросил, чтобы меня связали с президентом Фоксом. И происходит следующий необычный диалог, который я воспроизвожу так, как он был записан.

Фидель. Господин президент, скажите, как вы поживаете?

Фокс. Фидель, как поживаешь?

Фидель. Очень хорошо, очень хорошо, большое спасибо. А вы как?

Фокс. Как приятно! Послушай, Фидель, я звоню тебе в связи с этим сюрпризом, когда где-то пару часов назад я узнал о твоём предполагаемом визите сюда, в Мексику.

Прежде всего я хотел бы сказать тебе, что этот разговор приватный, между тобой и мной, согласен?

Фидель. Да, согласен. Вы получили мое письмо, правда? Я послал его...

Фокс. Да, я получил твое письмо где-то пару часов назад и поэтому тебе сейчас звоню.

Фидель. А, очень хорошо, мне говорили, что вы ложитесь рано, и мы послали письмо рано.

Фокс. Да, я ложусь рано, но это лишило меня сна.

Фидель. Да неужели!

Фокс. Нет, оно пришло... Сейчас здесь десять часов вечера, оно пришло в восемь часов, мы как раз ужинали здесь с Кофи Аннаном.

Фидель. А!

Фокс. Но, Фидель, я говорю с тобой прежде всего как друг.

Фидель. Да, вы говорите со мной прежде всего как друг, надеюсь, вы не скажете мне, чтобы я не приезжал.

Фокс. (Смеется) Ну, поглядим, дай мне поговорить с тобой, посмотрим, что ты думаешь.

Фидель. Слушаю вас, но предупреждаю вас заранее. Очень хорошо.

Фокс. Что?

Фидель. Что я слушаю вас, но говорю вам заранее.

Фокс. Погоди, выслушай сначала. Сначала выслушай.

Фидель. Да.

Фокс. Да, как друг, правда то, что вот так, в последнюю минуту, и этот сюрприз, ты действительно создаешь мне так немало проблем.

Фидель. Почему?

Фокс. Проблем с безопасностью, проблем с приемом.

Фидель. Ну, мне неважно, я ничуть не беспокоюсь, господин президент, вы словно меня не знаете.

Фокс. Ты не беспокоишься из-за этого?

Фидель. Нет, уверяю вас, ничуть не беспокоюсь; я не везу с собой 800 человек, как господин Буш.

Фокс. Но это не очень по-дружески извещать в последнюю минуту, что ты появишься здесь.

Фидель. Да, но я также подвергаюсь большому риску, как никто, вы прекрасно это знаете.

Фокс. Да, но ты можешь доверять другу и мог бы сообщить мне чуть раньше, что собираешься приехать, это, я думаю, было бы намного лучше для обоих.

Но видишь ли, конечно, я знаю, что у тебя не только есть право, но и, если ты не можешь помочь мне в этом плане как друг и тебе необходимо...

Фидель. Да. Скажите мне, чем я могу вам помочь, но только не этим.

Фокс. Хорошо. Чем ты можешь помочь мне, только не этим?

Фидель. Скажите мне, как. Что я должен сделать? К риску я отношусь спокойно (Дело уже становилось серьезнее: ни северный сосед, ни страна-место проведения не испытывали большого желания видеть меня там).

Фокс. Постой, дай мне...

Фидель. Но вы понимаете, что это вызовет всемирный скандал, если мне сейчас действительно скажут, чтобы я не ездил.

Фокс. Но какая тебе необходимость вызывать всемирный скандал, если я говорю с тобой как друг?

Фидель. Послушайте, вы – президент страны, и если ваша страна проводит встречу и вы запрещаете мне приехать, у меня не будет другого выхода как опубликовать мое выступление завтра.

Фокс. Так, именно так. Нет, у тебя есть полное право.

Погоди, дай мне сделать тебе предложение.

Фидель. Да.

Фокс. Да?

Фидель. Я слушаю.

Фокс. Не знаю, когда ты собираешься приехать, потому что это ты мне не говоришь, но я предлагаю тебе приехать в четверг.

Фидель. Постойте, скажите мне, скажите мне точно, я готов выслушать предложение о сделке в этом смысле. Хорошо, сегодня какой день? Вторник. В котором часу вы хотите, чтобы я приехал в четверг?

Фокс. Потому что у тебя... то есть, выступление Кубы на пленарном заседании намечено на четверг.

Фидель. Да, да, здесь есть точное время, это было здесь... Это должно быть в четверг в...

Фокс. Примерно в час дня.

Фидель. Нет, в четверг я должен участвовать в работе круглого стола и должен выступить утром.

Фокс. Потому что твоя речь намечена на утро, около часу дня.

Фидель. Более или менее. Я помогаю вам во всем, ничем не мешаю, не иду на обеды, даже на встречу... Ну, об этой встрече мы еще должны поговорить...

Фокс. Но погоди, погоди, дай мне закончить.

Фидель. Да.

Фокс. Ты можешь приехать в четверг и участвовать в заседании и выступить, как это намечено для Кубы, в час дня. Потом у нас обед, обед для глав государств от имени губернатора штата; я даже предлагаю тебе и приглашаю тебя присутствовать на этом обеде, даже сидеть рядом со мной, а после того, как обед закончится, как ты поучаствуешь, скажем, ты вернешься, и так...

Фидель. На Кубу?

Фокс. Нет, ну, может, ты подыщешь...

Фидель. Куда? Или в отель? Скажите мне.

Фокс. На Кубу или куда тебе захочется.

Фидель. Хорошо.

Фокс. И оставишь мне свободной – это моя к тебе просьба – пятницу, чтобы ты не усложнял мне пятницу.

Фидель. Вы не хотите, чтобы я усложнял вам пятницу. Очень хорошо, похоже, вы не прочли строчку, где я говорю, что еду, полный конструктивного духа, чтобы содействовать успеху конференции.

Фокс. Да, да, я прочел эти строки.

Фидель. Если мои слова не произвели на вас впечатления... Я понимаю остальные вещи, о которых мы не будем говорить, и то, что может произойти. Я почти что угадал, что вы будете мне звонить, чтобы сказать нечто подобное. Но очень хорошо, я со всей откровенностью говорю: я готов сотрудничать с вами. Я готов сотрудничать с вами и сделать то, о чем вы меня просите.

Фокс. Можем сделать это таким образом.

Фидель. Да, пожалуйста, повторите мне.

Фокс. Смотри, приехать в четверг утром, когда тебе захочется.

Фидель. Да, в четверг утром, выступить.

Фокс. Да, выступить на пленарном заседании; участвовать в обеде глав государств, на котором я даже приглашаю тебя сидеть рядом со мной.

Фидель. Очень хорошо, большое спасибо.

Фокс. И во второй половине дня уехать, когда тебе удобно.

Фидель. Да, очень хорошо. Дайте посмотреть расписание, у нас разница в один час, посмотреть, когда я должен двигаться.

Фокс. У нас разница в один час.

Фидель. Если бы мне пришлось приехать немножко пораньше, скажем, потому что я уже знаю, когда от меня больше всего вреда (Смеется), но может быть, я мог бы быть там на рассвете.

Фокс. В четверг?

Фидель. Потому что время выступления – час дня, и там шли переговоры о моей очереди, может быть, я выступил бы раньше; может быть, но я готов более или менее выступить в этот час, поскольку там 30 ораторов. У меня неважное время, потому что все было в последнюю минуту, и я признаюсь в том, что принял решение в последнюю минуту. Вы упрекали меня в том, что друг должен говорить это или нет.

Прежде всего, тут две вещи: я рискую, а кроме того, не принимал решения. Это правда.

Фокс. Да, да, я понимаю, понимаю.

Фидель. Но я решил в определенный момент, что это стоило сделать, как я объяснил вам в своем письме. Прошу вас перечитать его, когда сможете.

Фокс. Оно здесь, передо мной.

Фидель. И там у вас поблизости Генеральный секретарь, вы ужинаете с ним?

Фокс. Он ушел 15 минут назад. Он ушел в отель и завтра едет туда в Монтеррей.

Фидель. Какая жалость, что я не смогу послушать, когда он будет говорить, думаю, что он выступит вначале.

Фокс. Погоди, Фидель, ты... ты... Да, я знаю, что...

Фидель. Ну, если бы вы добились бы, чтобы, например, я выступил десятым, если бы вы мне достали...

Фокс. Посмотрим, подожди.

Фидель. Да.

Фокс. Я участвую в четверг, церемония открытия начинается в 9.00 утра.

Фидель. В 9.00, очень хорошо.

Фокс. В этот час, я предполагаю, будет выступать Генеральный секретарь, и буду говорить я.

Фидель. Да, я хотел бы послушать его, потому что именно он меня пригласил.

Фокс. С этим нет проблем, приходи.

Фидель. Вы президент страны-места проведения; это не Соединенные Штаты, это Мексика.

Фокс. С этим нет проблем, приходи, приезжай рано и участвуй начиная с открытия, с 9.00 утра, когда мы начнем, там будет говорить он, буду говорить я, и действительно твоя очередь будет примерно десятой.

Фидель. Нет, моя очередь тридцатая, но если вы добились бы для меня очереди номер десять, то есть, после того, как там выступят главные - думаю, что их возглавит Чавес как президент Группы 77, - кое-кто еще, если бы вы достали мне десятую или двенадцатую очередь...

Фокс. Но ты хочешь, чтобы я изменил тебе время, скажем, с часу дня на несколько пораньше?

Фидель. Поговорите с Кофи, поговорите с Кофи и поставьте перед ним свой вопрос, он поймет, что у мира есть хозяева и что это очень серьезно.

Фокс. Я могу поговорить с Кофи Аннаном (Смеется).

Фидель. Поговорите с Кофи (Смех), понимаете?

Фокс. Да, да, отчего же, я могу с ним поговорить.

Фидель. Тогда я гораздо больше угожу вам, появлюсь там и выступлю. Даже было бы лучше, если бы я приехал в полночь или что-нибудь в этом роде, немного поспал и отправился бы туда.

Фокс. Ты только сообщи мне, в каком часу ты приедешь... Сообщи, в каком часу, я приготовлю тебе резиденцию, место, куда поехать, если ты приедешь очень рано.

Фидель. Ну, у меня был там небольшой отель, несколько номеров, потому что я не решил, поеду ли.

Фокс. Да, дело в том, что нет номеров, в этом проблема, нет помещения.

Фидель. Нет, но наша делегация имеет там 20 номеров, и некоторых из них мы можем послать в другие места, в пансион.

Фокс. Да, мы устроимся, у тебя есть друзья там в Монтеррее, которые могут моментально тебя устроить. Это не проблема. Ты должен приехать на рассвете...

Фидель. Знаете, я могу еще полнее выполнить ваши пожелания. Мне надо приехать на рассвете?

Фокс. Да. Что ты называешь на рассвете - пять-шесть утра?

Фидель. Нет, я предпочел бы примерно в 22.00 или что-нибудь в этом роде, в определенном часу.

Фокс. А, приехать ночью в среду.

Фидель. Да, да, чтобы меня никто не видел. Мы увидимся там утром, чтобы меня увидели там утром.

Фокс. Пусть будет чуть ближе к ночи, и посмотрим, как мы устроимся, то есть, ближе к полуночи или позже.

Фидель. Хорошо.

Фокс. И ты приедешь, устроишься и будешь участвовать с 9.00 утра.

Фидель. Я устроюсь и буду там в 8.30. Вот так.

Фокс. Да, хорошо, хорошо.

Фидель. Тогда вы мне гарантируете с Кофи Аннаном и объясните ему проблемы; если нет, мне придется говорить с ним самому и объяснять ему, потому что меня пригласила Организация Объединенных Наций.

Фокс. Нет, с этим нет проблемы. Я...

Фидель. Вы как хозяин были очень любезны, что прислали мне приглашение, но меня приглашает Организация Объединенных Наций. И я сказал вам об этом, то было первое, что я сказал, как только мы начали переговоры, что у меня есть приглашение.

Фокс. Хорошо, именно поэтому.

Так вот, продолжим думать так, таким образом. Потом мы кончим...

Фидель. Правильно. Тогда я уйду вам, я уеду раньше. Ведь мне очень хочется быть здесь, у меня много работы и много вещей, которыми я воодушевлен.

Фокс. Фидель, могу я просить тебя еще об одной услуге?

Фидель. Слушаю вас.

Фокс. Мне было бы чрезвычайно полезно, чтобы здесь не было заявлений на тему посольства, или отношений Мексика-Куба, или об этом событии, которое мы пережили в эти прошедшие дни.

Фидель. Мне нет никакой надобности делать там заявления

Фокс. Как хорошо!

Фидель. Скажите, чем еще я мог бы вам услужить?

Фокс. Ну, в основном, не нападать на Соединенные Штаты или на президента Буша, а ограничиться...

Фидель. Послушайте, господин президент, я человек, который вот уже 43 года занимается политикой, я знаю, что делаю и что должен делать. Пусть у вас не будет в этом ни малейших сомнений, я умею говорить правду с необходимой порядочностью и элегантностью. Не бойтесь абсолютно ничего, я не буду бросать там никакой бомбы. Хотя правда, что я не согласен с этим предложенным там консенсусом. Нет, я ограничусь тем, что изложу свои основные и главные идеи и сделаю это с полным уважением. Я не буду принимать это за трибуну для агитации или что-то в этом роде: я скажу свою правду. И я могу не ездить, я говорю ее отсюда, говорю завтра

утром, так что для меня это не...

Фокс. Ведь ты в своем письме предлагаешь мне именно это: конструктивное участие, чтобы это было подлинным вкладом в обсуждение, в дебаты и в решение проблем, которые есть у всех нас в мире.

Фидель. Да, господин президент, вы должны даже принимать во внимание, что, когда я отправляюсь в такую поездку, это довольно рискованно.

Фокс. Да, я это понимаю.

Фидель. Вы должны это знать. И я буду там, потому что я принял решение поехать, иначе мне было бы стыдно. Я не ездил во много мест, я не поехал на саммит в Перу, но я намного больше важности придаю этой конференции и намного выше ставлю Мексику, мне кажется даже, что я действительно обидел бы вас и мексиканцев.

Я еду туда не для того, чтобы агитировать или организовывать демонстрации, ничего подобного. Я учитываю, что вы президент этой страны и что ваше желание, какими бы ни были права, я должен принимать во внимание.

И я рад, что вы подумали о достойной формуле, чтобы я был там вовремя, услышал выступление Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. И если бы вы могли, с помощью Генерального секретаря Организации Объединенных Наций гарантировать мне, чтобы я получил очередь – не будем ждать там столько времени, чем больше времени, тем... - и выступил между 10-м и 15-м, после того, как ораторы начнут выступать по списку, помимо вашего выступления, тогда мы поговорили бы с товарищем, который находится там, дали бы ему инструкции – ему сегодня уже были даны инструкции, чтобы он похлопотал о более раннем времени выступления – тогда я буду свободен, чтобы доставлять вам как можно меньше беспокойств.

Фокс. Да.

Послушай, Фидель, в любом случае остается в силе приглашение, чтобы ты сидел рядом со мной за обедом, это будет примерно в час дня или в час тридцать, и после обеда ты тогда можешь уезжать.

Фидель. Если только вы не накормите меня «моле кон гуахолоте» [индюк в остром соусе] и много чем еще, потому что лететь сюда в самолете слишком сытым...

Фокс. Нет, будет козленок, очень вкусный.

Фидель. Козленок?

Фокс. Да, замечательный.

Фидель. Хорошо, очень хорошо.

Фокс. Значит, Фидель, мы так и договорились?

Фидель. Так и договорились и остаемся друзьями, как друзья и джентльмены.

Фокс. Да, я очень тебе благодарен, и ты сообщи мне только час прибытия, чтобы встретить тебя и отвезти устроиться.

Фидель. Я сообщу вам час прибытия.

Хорошо, если хотите, я приеду даже пораньше, и этим мы многое выиграем. Когда ты ляжешь завтра?

Фокс. Завтра?

Фидель. Да.

Фокс. Завтра что, среда? Завтра я лягу рано, как настоящий ранчero.

Фидель. Как настоящий ранчero. Я наоборот, я обычно ложусь, как настоящий полночник.

Скажите, какой час вас больше всего устраивает?

Фокс. Ну, как ты говоришь, 22.00, 23.00, 12 часов ночи, чтобы ты устроился и мог отдохнуть и прийти на следующий день утром.

Фидель. Очень хорошо, договорились.

Фокс. Так что посольство просто сообщит мне точный час, чтобы встретить тебя, как полагается.

Фидель. Да, завтра вам сообщат точный час.

Фокс. Мы поговорим об этом с посольством.

Фидель. Да, как всегда, я очень благодарен тебе за это внимание, эту честь, если ты будешь там, думаю, что это очень поможет...

Фокс. Ты будешь сидеть вместе со мной за обедом и потом вернешься.

Фидель. И после этого выполню ваш приказ: вернуться.

Фокс. Фидель, огромное тебе спасибо.

Фидель. Очень хорошо, президент.

Фокс. У нас так все будет получаться хорошо.

Фидель. Думаю, что да, и благодарю вас...

Фокс. Ну хорошо, я тоже благодарю, и доброй ночи.

Фидель. ...За вашу любезность и за поиск достойной и приемлемой формулы.

Фокс. Да, я думаю, что так оно и есть, и благодарю тебя.

Фидель. Очень хорошо, очень хорошо, желаю вам успеха.

Фокс. Доброй ночи.

Фидель. Доброй ночи.

Господин президент Мексики сказал последнее слово. Это было мое бесспорное право – принять участие в этой конференции, созванной Организацией Объединенных Наций, а не господином Бушем. Однако я не мог ехать в Монтеррей, если на это не было ясно выраженного согласия президента страны, где она должна была проводиться; я должен был ограничиться

теми шестью минутами, которые были мне отведены, и отбыть после обеда или раньше, если бы удалось поменять 30-ю очередь в списке ораторов, которая выпала мне при жеребьевке, в частности потому, что я не мог заранее гарантировать свое присутствие, чтобы не способствовать незамедлительной мобилизации своры уже упомянутых террористов и убийц, которых организуют и финансируют с американской территории каждый раз, как я выезжаю на какую-либо международную встречу, чтобы физически уничтожить меня.

Должен добавить, что по моем прибытии в Монтеррей господин Фокс не появился в аэропорту, как обещал, хотя я даже и не просил его об этом. Он даже не позвонил, чтобы из вежливости поздороваться со мной. Мне это было совершенно безразлично. Протоколам и изыскам я не придаю никакого значения.

В то же время я испытывал своеобразное утешение. Указав мне на необходимость уехать сразу же после обеда, он дважды повторил, что окажет мне великую честь, посадив меня рядом с собой, чтобы насладиться великолепно приготовленным козленком.

Тем не менее, я не мог покинуть конференцию без объяснений. Ни на одной из них я не поступал подобным образом. Господин президент Соединенных Штатов мог бы подумать, что Куба боится сесть с высоко поднятой головой в присутствии их могущественной и августейшей персоны. В 1992 году, на саммите в Рио-де-Жанейро его собственный отец совершил похвальный, в силу своей необычности, жест: непринужденно вошел в зал за несколько минут до моего выступления, невозмутимо выслушал мои слова и даже аплодировал, он и члены его делегации, когда я закончил. Старая поговорка подтверждает, что учтивость – смелости не помеха. Никто – ни в нашей стране, ни в Мексике, ни в любом другом месте – не понял бы такого странного ухода. В качестве объяснения я сказал ровно три строчки:

«Прошу всех извинить меня за то, что я не смогу дольше оставаться с вами в силу особой ситуации, созданной в связи с моим участием в этом саммите, и вынужден немедленно вернуться на родину.»

Я высказался максимально коротко и в максимально осторожных выражениях. Я совсем забыл о козленке. Вышел из зала, провел короткую встречу с президентом Колумбии, во время которой мы обменялись мнениями по поводу мирного урегулирования в этой стране. Затем направился попрощаться с Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, который, естественно, накануне был поставлен в известность о случившемся нашим послом в ООН. Вместе с ним меня ждали, в знак явной солидарности, президент Нигерии Олусегун Обасанжо и президент Южной Африки Табо Мбеки. Выхожу. Спускаюсь по эскалатору. Пред эскалатором, на внутренних балконах и в боковых помещениях многочисленные мексиканские служащие, служащие Организации Объединенных Наций и участники из других стран аплодируют в знак солидарности. Толпа журналистов суетится, делая снимки, видеозаписи, в ожидании каких-либо заявлений. Не говоря ни слова, я покинул здание.

Я не оставил за собой никаких неразрешимых трудностей. Свое выступление я завершил словами:

«Во главе делегации Кубы остается товарищ Рикардо Аларкон де Кесада, председатель Национальной ассамблеи народной власти, неустанный борец за права третьего мира. Передаю ему прерогативы, которые полагаются мне на этой встрече как главе государства.

Я надеюсь, что ему не запретят участвовать ни в каких официальных мероприятиях, на которые он имеет право как руководитель кубинской делегации и как председатель высшего органа государственной власти на Кубе.»

Организаторам предоставлялась возможность принять совсем простое решение. Разрешить главе делегации Рикардо Аларкону присутствовать на официальных совещаниях саммита, и

инцидент был бы исчерпан. Требовалось только проявить минимум дальновидности и здравого смысла. Не знаю, что помешало найти этот достойный выход – надменность, заносчивость и авантюризм придворного советника президента Фокса или высокомерие Буша.

За весь день я еще ничего не ел. Отправился в отель, где мы остановились. Туда я пригласил на обед Уго Чавеса - дорогого друга, чье выступление, когда он говорил от имени Группы 77 и своей собственной страны, также не прошло гладко и было прервано уважаемым мексиканским амфитрионом. Братская, непринужденная встреча продлилась несколько часов, мы обменялись мнениями по разным вопросам, за три недели до провалившегося фашистского переворота, направленного против Боливарианской революции. Это был не роскошный, но приятный обед: маисовые лепешки, жареная фасоль и другие традиционные блюда братской страны, показавшиеся мне вкуснее любого козленка.

Я совсем забыл о времени и о категорическом приказе уехать сразу же после обеда. Тем временем Буш уже несколько часов с нетерпением ждал в Эль-Пасо – городке, расположенном на нынешней границе Соединенных Штатов с Мексикой после 1846 года, когда у страны отняли более половины ее территории, - сообщения о том, что столь нежелательный участник покинул Мексику. Сотрудники протокольной службы забыли или не захотели беспокоить дисциплинированного и послушного, но забывчивого гостя, который в конечном итоге отбыл из Монтеррея в 5 часов пополудни. Заждавшийся Буш, видимо, получил разрешение или решил вылететь сам, рискуя, в противном случае, опоздать на ужин.

Кто-то поставил его самолет рядом со старым Ил-62 кубинской авиакомпании. Проезжая на своей машине, он дружеским жестом поприветствовал кубинский экипаж, который уже ждал меня наверху трапа. Я, не подозревая об этих перипетиях, попрощался с Чавесом, сел в машину и в сопровождении небольшого эскорта отправился в аэропорт. Мы проехали под проспектом, который ведет в аэропорт, и въехали на него в том месте, где его только что пересек огромный караван Буша. В конечном итоге, в Монтеррее мы были всего лишь в нескольких метрах друг от друга. Когда наш самолет взлетал, день был великолепный.

В городе, где проходила конференция, оставалась наша делегация во главе с председателем нашей Национальной ассамблеи, в сопровождении нашего министра иностранных дел. По логике, проблем больше быть не должно было. Исключат Рикардо Аларкона из участия в заседаниях саммита? Допустят его или нет на банкет, который предстоял на следующий день, после ни разу не прерванного выступления, во время которого славный президент Соединенных Штатов «очень демократично» вдвое превзошел лимит времени, установленный для остальных смертных, принимавших участие в конференции в качестве глав делегаций. Хотя подобное исключение представлялось нам нелепым, неразумным и маловероятным, я поручил, если такое случится, объяснить истинное положение вещей, не касаясь и даже не упоминая содержания и самого факта разговора, состоявшегося у нас с Фоксом, личный характер которого я хотел сохранить в любом случае, намереваясь предназначить его для архивов Революции.

Плохим предзнаменованием стало то, что господин Кастаньеда поторопился в тот день заявить, что протокол есть протокол и нарушать его не будут, выискивая, как всегда, предлоги, чтобы выполнить обязательства перед правительством Соединенных Штатов и скрыть правду. За несколько минут до встречи товарищу Аларкону сообщили, что он не может принять в ней участие. Как было условлено, глава нашей делегации в ходе различных пресс-конференций объяснил подлинную причину моего отсутствия. В частности, он сказал:

«Вчера министр иностранных дел Кастаньеда во время неоднократных встреч с представителями печати заявил, что ни одно должностное лицо не предпринимало никаких действий в плане создания препятствий к участию Кубы, и несколько раз предложил, чтобы объяснение происходящему дала Куба, поскольку он не располагает этими данными. Я должен сказать, что сделанные им заявления – по большей части лживые.»

И добавил:

«Не только уполномоченные должностные лица, я сказал бы, что весьма уполномоченные лица в правительстве Мексики сообщили нам до проведения конференции о давлении, которому они подвергаются со стороны правительства Соединенных Штатов с тем, чтобы Куба не принимала участия в конференции и особенно чтобы делегацию не возглавлял Председатель Государственного совета товарищ Фидель Кастро.

Кастаньеда знает, что нам это известно и что нам было бы нетрудно объяснить это; что если мы этого до сих пор не сделали, то только потому, что стремимся быть конструктивными и убедить мексиканские власти, что в общих интересах – найти достойное, адекватное решение, которое сейчас уже невозможно, поскольку состоялась встреча, из участия в которой незаконным и произвольным порядком была исключена одна из делегаций, не приглашенная на нее, – делегация Кубы.

Говорят, что правила Организации Объединенных Наций и правила страны-места проведения не одни и те же. Да, действительно, я не являюсь главой государства, но я – единственная персона в Монтеррее, на которую глава государства возложил представительские функции, и это единственный глава государства, которому в Монтеррее было произвольно отказано в участии в совещании за закрытыми дверями.

Неверно то, что Куба могла быть представлена ее главой государства, потому что его попросили со всей ясностью и категоричностью как можно скорее покинуть Мексику.»

В свою очередь, наш министр иностранных дел, по телефону, в своих высказываниях, сделанных 22-го числа для круглого стола, заявил следующее:

«Куба знала о давлении, которое накануне конференции оказывал на мексиканское правительство президент Буш. Президент Буш пригрозил, что не приедет на саммит, если в нем будет участвовать товарищ Фидель.

Было получено приглашение Подготовительного комитета, созданного постановлением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, -письмо двух представителей, которое только что зачитали, и затем последовало официальное приглашение президента Фокса.

Потом товарища Фиделя попросили не приезжать на саммит, хотя это было его правом как главы государства-члена Организации Объединенных Наций, уже имевшего приглашение Подготовительного комитета Организации Объединенных Наций для участия в конференции, в созыве которой Куба сыграла важную роль.

Это реальный совершившийся факт: его попросили не участвовать, и его попросило об этом, как мы уже сказали, лицо из мексиканского правительства, имевшее все полномочия, чтобы обращаться со столь значительной просьбой. Его попросили не приезжать, и, столкнувшись с твердой позицией Фиделя, защищавшего право Кубы суверенно участвовать в этой встрече, его попросили тогда, чтобы он был только утром в четверг и чтобы сразу после обеда, который даст губернатор штата, он уехал.

Товарищу Фиделю было необходимо, это был его долг дать объяснения делегатам, ...и он объяснил со всей осмотрительностью, сказал о подлинной причине, мешавшей ему быть там, но с тактом и осмотрительностью. И он выдвинул просьбу, которая могла быть удовлетворена и которая была действительно логична, чтобы товарищ Аларкон, председатель нашей Национальной ассамблеи, ...участвовал в остальных мероприятиях конференции.

Это соображение оказались действительно неспособными понять, оказались неспособными согласиться с разумной просьбой.»

Кастаньеда яростно опровергал слова Аларкона и Фелипе.

Во время состоявшейся 21 марта пресс-конференции на вопрос одного из журналистов о том, просило или советовало правительство Мексики правительству Кубы, чтобы кубинский президент скорректировал свою программу, дабы избежать встречи с президентом Бушем, Кастаньеда ответил:

«Никоим образом, никогда ни одно уполномоченное должностное лицо в мексиканском правительстве не делало подобных или иных аналогичных предложений кубинскому правительству, кубинским властям».

На настойчивые вопросы представителей печати Кастаньеда ответил:

«Не было никакого давления, влияния, действия, просьбы, предложения, намека. Если у меня был бы с собой словарь синонимов, я продолжил бы перечисление, по памяти я, пожалуй, немного еще смогу добавить; но если вы, Бланш, вспомните еще какой-нибудь, спрашивайте, и я дам вам тот же ответ».

В телевизионной передаче «Открытая зона» Кастаньеда повторил:

«Не было никаких моментов давления на Фиделя Кастро со стороны каких бы то ни было мексиканских должностных лиц с тем, чтобы он уехал раньше времени».

Господин Фокс на состоявшейся 22 марта совместной с Бушем пресс-конференции на вопрос о давлении в целях исключения Кастро ответил: «Таковых нет. Господин Фидель Кастро совершил визит в Мексику, на конференцию ООН, был здесь, принял участие и вернулся на Кубу. Ничего более! Это просто так».

В интервью Хоакину Лопесу Дориге, опубликованном в газете «Ла Хорнада», на вопрос о том, действительно ли, что Фидель Кастро уехал, потому что, во-первых, правительство Фокса сказала, чтобы он не приезжал, и, во-вторых, потому что, когда он был здесь, Фокс сказал, чтобы он уехал», Фокс ответил: «Нет, насколько мне известно, ничего подобного. Было бы интересно, уместно, чтобы нам указали, откуда все это пошло; думаю, что у Фиделя Кастро достаточно опыта, он столько лет правит страной, не думаю, чтобы нечто в таком роде могло бы ограничить его свободу и волю. Кастро был здесь в Монтеррее, принимал участие в конгрессе, на заседании конференции ООН, а потом решил уехать. Никто не вынуждал его уезжать».

В заявлениях мексиканскому телевидению 24 марта на вопрос о том, что со мной произошло, он ответил: «Его отъезд был таким же внезапным, как и уведомление о приезде и приезд накануне вечером. Он просто-напросто приехал, выступил с речью, был встречен со всеми почестями в аэропорту, я поприветствовал его по приезде, как и всех остальных, попрощался с ним, и он уехал. Вот и все. В чем дело, что за этим стоит? Не понимаю».

Буш, в свою очередь, свято заверял, что Соединенные Штаты не оказывали на Мексику никакого давления.

Все лгали направо и налево.

Если бы Кастаньеда открыл словарь синонимов на нужной странице, то увидел бы, что лгать означает то же самое, что и обманывать, врать, плутовать, сбивать с толку, строить козни, говорить неправду, сочинять, фальсифицировать, притворяться, симулировать, выдумывать, подделывать, жульничать, выдавать одно за другое, скрывать, надувать, одурачивать, вводить в

заблуждение, морочить голову и т. д. и т.п.

Ставилось под сомнение доверие к нашей стране. Согласно данным одного из опросов, почти у половины мексиканцев посеяли сомнение относительно честности Кубы.

В передовой статье газеты «Гранма» от 26 марта было сказано: «У Кубы имеются неопровержимые доказательства всего происшедшего, которые развеяли бы любые сомнения. Она предпочла воздержаться от их использования, потому что не хочет наносить ущерба Мексике, не хочет подрывать ее престиж, не хочет никоим образом создавать политическую дестабилизацию в этой братской стране.

[...]

Каким-то образом, ради чести Мексики, следует положить конец этим оскорблениям и нападкам на кубинский народ. Пусть не вынуждают Кубу представлять имеющиеся у нас доказательства».

Данная статья заканчивалась словами:

«Мы просим лишь прекращения провокаций, оскорблений, лжи и мрачных планов господина Кастаньеды, направленных против Кубы. Иначе нам не останется ничего другого как обнародовать то, что мы не хотим обнародовать, и разбить в пух и прах его лживые и циничные заявления, чего бы это ни стоило. Пусть в этом никто не сомневается!»

Слово «дестабилизация» мы употребили потому, что в свою вероломную авантюру мексиканский министр иностранных дел вовлек самого президента Мексики. Мы не могли воспользоваться нашими доказательствами, не затронув его. Возможно, поэтому и сложилось ошибочное мнение, что мы смирились с ударом, что ящик Пандоры останется неоткрытым. Страна, блокированная гигантом, который сегодня внушает страх и угрожает миру своими ракетами и бомбардировщиками, правители которой, кроме того, при помощи циничных и клеветнических методов произвольно включают нашу Родину в список стран, оказывающих поддержку терроризму, не могла позволить себе такого риска.

Тем не менее, даже и в этих условиях мы не хотели обнародовать наши доказательства. Мы хранили молчание до самого крайнего предела, который определяют этика и верность истине. Однако последняя капля переполнила чашу нашего терпения.

В среду 10 апреля невыспавшийся подлый Иуда, который правит в Уругвае, взяв на себя бесславную лакейскую роль, до этого исполнявшуюся Чешской Республикой, представил в Комиссии по правам человека антикубинский пасквиль, разработанный и согласованный с Вашингтоном министром иностранных дел Кастаньедой.

Это еще не все – сделаю небольшое отступление, - нам даже угрожали разрывом отношений, угрожало правительство, чей министр здравоохранения, этот убийца, допустил, чтобы умирали дети, только бы не покупать вакцины на Кубе – в единственной стране, вакцины которой обладают нужными характеристиками, как сообщил им французский Пастеровский институт в ответ на запрос Уругвая. Такие угрозы действительно существуют, нам только остается спросить, чего они ждут, чтобы привести их в исполнение.

Это не помешает доставке наших вакцин, потому что, поскольку уже скоро должна была понадобиться новая партия, в тот же самый день, когда уругвайское правительство представило в Женеве этот гнусный антикубинский проект, в 15.00 из Гаваны вылетел в Уругвай кубинский самолет, на борту которого было 200 000 доз, переданных Кубой в дар. Мы были действительно просто возмущены, когда стало известно о первой вспышке заболевания и о том, что произошло, хотя этого можно было избежать. Мы сказали уругвайскому народу, что готовы передать ему вакцины в дар. В тот момент, в конце декабря прошлого года, требовалась 71 000 доз. Даже более того, мы взяли из собственных резервов все необходимое количество и направили его

туда. Это было всего 15 недель назад, когда произошла вспышка в одном из провинциальных городов. Недавно произошла вспышка в столице. Немедленно, 7 апреля, мы отправили 200 000 доз, уже изготовленных заранее. Мы даже взяли на себя расходы по транспортировке. Потом возникли трения – они пытаются отрицать, что речь идет о безвозмездной помощи, и всеми силами стремятся вычистить стоимость вакцин из суммы старого долга.

Да, у нас есть старый долг, небольшой, не такой, с которым мы не могли бы в настоящее время справиться в более или менее короткий срок. Эта задолженность возникла, когда наступил особый период, после распада социалистического лагеря и СССР, и когда правительство Соединенных Штатов, союзник, или, вернее, хозяин уругвайского правительства, углубляет и ужесточает блокаду. Одиннадцать миллионов кубинцев знают, чего это стоило.

Мы сказали, что готовы обсудить этот долг в любое удобное для них время, но мы не хотим, и никто не может нас заставить рассматривать эту помощь не как дар, а как уплату долга. Мы никогда не стали бы платить долг нашими резервами вакцин, даже если мы должны их восполнять.

Это не выдумка. Миру известны традиции нашей страны и нашей политики. Нам не свойственны какие бы то ни было лживость и демагогия, и мы с полным правом защищаем достойный характер нашей помощи. В самом деле, это недопустимо. И я скажу, что даже если они разорвут отношения, остальные вакцины будут доставлены в срок, около 800 000 доз, если только они не захотят, чтобы самолет приземлялся там, потому что в 12 часов ночи с 21 на 22 апреля, несколько часов спустя после предательского удара в Женеве, в Монтевидео была доставлена третья партия вакцин в 200 000 доз, и все остальные также будут готовы.

Две тысячи шестьсот кубинских врачей бесплатно оказывают помощь странам третьего мира в рамках Комплексной программы здравоохранения, это помощь Кубы странам третьего мира. Я не стану их перечислять, но это делается не в уплату какого бы то ни было долга; наш народ не мстит за то, как поступили с Кубой в первые годы Революции, когда все латиноамериканские правительства пошли на поводу у Соединенных Штатов, за исключением Мексики, которая сегодня играет такую печальную роль, встав во главе еще одной предательской акции в отношении Кубы – такой же, как та, которую они предприняли в те нерадостные и постыдные годы трусости и предательства. Соединенные Штаты поделили между ними нашу сахарную квоту, примерно 4 миллиона тонн, пользовавшуюся преференциальными ценами. На этот раз, к счастью, некоторые отказались участвовать в гнусном заговоре. Эти исторические события нужно помнить, как и то, что мы не расплачиваемся с долгами нашей кровью. Нашей кровью мы оплачиваем только долг перед человечеством! Наш элементарный долг солидарности с другими народами.

Политика уругвайского правительства – подлая и низкая. Кубе нельзя угрожать, никто не может ей угрожать! Она 43 года прожила под угрозами гиганта, который сегодня в три раза сильнее, чем тогда. Мы выстояли и будем держаться и впредь благодаря нашей чести, нашей совести и нашему сознанию – только этим можно объяснить стойкость нашей страны и ее революции.

Извините меня за это отступление.

15 апреля президентство Мексики делает официальное заявление о том, что Мексика будет голосовать за проект, представленный Уругваем.

Об этом решении нам стало известно за несколько дней. Оно отвечало договоренности с Соединенными Штатами.

Самым циничным является то, что нас даже хотели подкупить, хотели заплатить за наше молчание о том, что произошло в Монтеррее. Во время трагических событий в Венесуэле, когда жизни Уго Чавеса угрожала смертельная опасность и казалось, что все кончено, посол Мексики

на Кубе, которого я не виню, передал днем 13 апреля, примерно за 38 часов до официального сообщения от 15 апреля, послание мексиканского правительства с обещанием, что нефтяная компания «Петролеос Мехиканос» может взять на себя венесуэльские поставки, которые отказывалась продолжать ПДВСА.

Нам были отвратительны циничные маневры для того, чтобы нейтрализовать наш протест против злодейства, которое готовилось в Женеве. Правительство Мексики постоянно выступало против того, чтобы Куба пользовалась преимуществами, которые дает соглашение в Сан-Хосе и другие. Мы холодно поблагодарили и не проявили ни малейшего интереса к лицемерному предложению.

Обещание не выдвигать, не содействовать выдвижению и не поддерживать резолюцию против Кубы, которое дали как Кастаньеда, так и президент Фокс во время визита в нашу страну, было предательски нарушено.

Тем не менее, может случиться так, что некоторые из слушающих меня скажут: очень хорошо, все объяснено, казалось бы, логично и связно, однако кто гарантирует, что Кастро, соперничая с Шекспиром, не выдумал эту драму? Тех, кто так думает, я прошу заслушать в течение нескольких минут запись, точно констатирующую все слова, тон и выражение голоса Фокса и моего.

Присутствующие на этой пресс-конференции, если хотят, могут сразу же позвонить Фоксу и Кастаньеде. Спросить у них, состоялся ли этот разговор 19 марта в период примерно между 23.30 и 23.50 ночи, признают ли они его и точны или неточны эти слова. Если будет доказано, что такого разговора не было и что президент Фокс таких слов не произносил, я обязываюсь сразу же уйти со всех своих постов руководителя государства и Кубинской революции. Мне было бы невозможно продолжать руководить этой страной с честью.

В то же время мне хотелось бы, чтобы авторы такой огромной лжи и такого колоссального обмана, при помощи которого они намеревались манипулировать фактами и вводить в заблуждение мексиканский народ и мировую общественность, оказались способны отреагировать на это с тем же чувством достоинства и чести.

Народы – это не презренная масса, которую можно обманывать и которой можно руководить, забывая об этике, порядочности и всяческом уважении.

Из-за этих правдивых слов дипломатические отношения могут быть разорваны, но братские исторические узы между народами Мексики и Кубы будут вечны.

22 апреля 2002 года

(ОВАЦИЯ)

Источник:

22/04/2002

Source URL: <http://www.fidelcastro.cu/ru/documentos/politicheskoe-zayavlenie-predsdatelya-gosudarstvennogo-soveta-respubliki-kuba?height=600&width=600>
